

Единая теория всего. Том 1. Горизонт событий

Автор:

[Константин Образцов](#)

Единая теория всего. Том 1. Горизонт событий

Константин Образцов

Образцовая фантастика К. Образцова

Ленинград, август 1984 года. Закат великой советской эпохи.

Автор бестселлера "Красные Цепи" предпринимает исследование тайн Мироздания. Великолепный многоплановый роман о человеческом выборе, влияющем на судьбы Земли: то, что начинается как детектив, превращается в научную фантастику, которая достигает степени религиозного мистицизма.

Трагическая смерть одного из авторитетных представителей преступного мира поначалу кажется самоубийством, а жуткие обстоятельства его гибели объясняются приступом внезапного сумасшествия. Но чем дальше продвигается расследование, тем больше всплывает странностей, парадоксальных загадок и невероятных событий, а повествование постепенно охватывает пространство и время от Большого взрыва до современности...

Константин Образцов

Единая теория всего. Часть 1. Горизонт событий

© Образцов К.А., 2016

© А. Попов, иллюстрации

* * *

Пролог

«Мы хотим знать, нет ли в окружающем мире какого-то смысла, цели, значимости.

Нам нужна волшебная история жизни, и мы рассказываем себе истории».

Нозон Яновский

Интро

22.50–00.01

Как и многие лучшие из историй, эта произошла в поезде.

Ныне путешествие из Петербурга в Москву занимает едва ли больше времени, чем поездка на автомобиле в плохой день через пробки из конца в конец столицы. Можно выехать рано утром, провести пару встреч и успеть вернуться обратно еще до того, как сменится дата на календаре. Сжимается пространство, сокращается время, и дорога превратилась в простое перемещение из пункта отправления к месту прибытия, досадную паузу в несколько часов, которые нужно кое-как провести; романтическое очарование долгого пути ушло в прошлое вместе с трогательной искренностью написанных от руки открыток и теплом отпечатанных с пленки фотокарточек в семейном альбоме.

В Москву я езжу экспрессом: утром сел в центре города и еще до полудня вышел на площади трех вокзалов свежий, бодрый и готовый к новому дню. Но обратно стараюсь взять билет на классический ночной поезд ради ощущения возвращения домой, пусть и короткого, а все-таки путешествия, дороги, которая,

как и ночь, может менять человека: сели в поезд одни люди, а вышли немного иными; уснули – а перевалив через полночь, проснулись и не вспомнили себя прежних.

Разумеется, от настоящего путешествия ждешь увлекательных дорожных историй и необыкновенных попутчиков, но с этим дела обстоят туго.

Гадательное ожидание соседа по купе давно потеряло интригу: ни красавиц с драматичной судьбой, бегущих от злого рока, ни гениев не от мира сего, ни кругосветных скитальцев. Как правило, им оказывается ровесник и социальный одноклассник: пристойный костюм, чуть лишнего веса, немного залысин, часы, которые смотрятся дороже, чем стоят. «Здравствуйте!» – «Добрый вечер!». Иногда доходит даже до нескольких реплик: «Чем занимаетесь?» – «Я коммерческий директор компании Икс Плюс». – «А я директор по продажам корпорации Игрек Минус». – «Знакомое что-то, это стройматериалы?» – «Нет, упаковка». Вот и весь разговор. Оруженосцы большого бизнеса не расположены к разговорам, нам и на работе трепа хватает.

Сегодняшний мой попутчик тоже особого впечатления не произвел, хотя и был по-своему колоритен. Среднего роста, но кажется выше из-за по-военному прямой осанки; явно перешагнул порог седьмого десятка лет, хотя выглядит поджарым, подтянутым, и более подходит под определение «мужчина среднего возраста», нежели «пожилой». Нос с боксерской горбинкой, пепельные волосы коротко пострижены. Светло-серый пиджак по случаю августовской душной жары аккуратно перекинут через руку; темная рубашка, серебристый галстук, черные брюки с отворотами снизу и такими острыми стрелками, что ими можно было бы бриться, глядясь при этом в отполированные до зеркального блеска ботинки, – в общем, типичный отставник, решивший принарядиться по случаю выхода в общество. Обычно этот образ дополняется чехлом для мобильного телефона на поясе – и точно, вот он, закреплен на брючном ремне, и можно не сомневаться, что там не какой-нибудь, извините, смартфон с легкомысленными мессенджерами и социальными сетями, а строгий стальной аппарат с бескомпромиссными кнопками. Армия или полиция? Усов не было, поэтому я решил, что мой спутник бывший полицейский – точнее, милиционер, судя по возрасту.

– Добрый вечер, – сдержанно поздоровался он, поставил на полку небольшой саквояж, сел, прямой как доска, подтянул брюки, положил ногу на ногу и стал смотреть в окно.

– Здравствуйте, – отозвался я, вздохнул и, за неимением иных дел, тоже уставился за окно, где среди золотых и голубоватых огней мелькали в кривом зеркале сумерек причудливо искаженные тени припозднившихся пассажиров.

Из коридора неслись голоса, звук шагов, приглушенный ковровой дорожкой; быстро прошла мимо проводница в форме, стилизованной под начало прошлого века, торопливо бросила взгляд в открытую дверь и поспешила дальше. Наконец поезд дрогнул, внушительно гроыхнул сочленениями вагонов и с солидной медлительностью, приличествующей фирменному составу с историей, двинулся в путь.

– Ну вот, поехали, – сказал мой попутчик.

Я промычал что-то в ответ. Никогда не знал, как отвечать на такие реплики.

За окном в темноте неспешно проплыли ветшающие корпуса привокзальной периферии: осыпающаяся кладка красного кирпича, мутные окна под насупленными покосившимися козырьками, какие-то чумазные трубы, забытые на ржавеющих рельсах пустые вагоны, тускло блестящие в лучах фонарей решетчатые стальные фермы, выцветшие вывески, чахлые и озлобленные на мир корявые деревца, наперекор всему пролезшие через сор, камень, железо, а иногда и сквозь старые крыши. Яркий бело-голубой луч заглянул на секунду в окно, резкие черные тени скользнули по стенам, изогнулись и снова пропали. Поезд осторожно пробрался через это сумрачное технократическое гетто, потом вздохнул с облегчением, загудел и вырвался на простор, набирая ход среди утыканных садовыми домиками широких низин, оврагов, узких речек и перелесков. Колеса застучали уверенно и ритмично, и, как всегда в такие минуты, мне показалось, что и все в поезде выдохнули спокойно, словно пассажиры самолета, закончившего подъем и вставшего на крыло, – даже мой сосед чуть расслабился и откинулся на спинку сиденья.

Каждое значимое дело требует ритуала, и для возвращения домой у меня, конечно, есть свой собственный. Я дисциплинированно дождался, когда за окном появятся униженные огнями высоты Зеленограда, достал из дорожной сумки книжку, встал и сказал:

– Я в вагон-ресторан, вернусь несколько поздно. Можно попросить вас не запирать дверь?

Мой попутчик оторвался от созерцания видов, повернулся, посмотрел на меня, будто припоминая, кто я такой, и ответил:

– Да. Не беспокойтесь. Непременно.

Я кивнул и вышел.

Собственно, этим мой ритуал обратной дороги исчерпывается: пойти в ресторан и сидеть там, читая, глядя в окно, размышляя, пока не свалит усталость и не начнут сниться сны наяву. Не Бог весть что, так, маленькие удовольствия, время наедине с собой, с хорошей книгой и одной-пятью порциями виски. Тайные радости всегда тихи и невинны, в отличие от порока, который любит зрителей и демонстративность.

Ресторан был почти пуст. Справа расположилась небольшая компания явных командированных: двое мужчин средних лет в немного помятых после долгого дня костюмах, ослабленных галстуках и с легкой осовелостью взгляда и немолодая женщина с усталым лицом, черты которого удерживались опорами яркого макияжа, и повидавшим жизнь декольте, в котором уютно свернулись бусы из фальшивого жемчуга. В дальнем конце вагона сидел строгий мужчина в черном, аккуратно оперируя ножом и вилкой котлету, испускающую последнее издыхание пара, а у входа устроился некто стильный, в летнем пальто и кашне, созерцающий капли влаги, скатывающиеся по бутылке белого вина в ведерке со льдом.

Я сел за стол; белая скатерть, искусственный букетик для настроения, потертый зеленый бархат сидений. Подошла официантка, хорошенькая ровно настолько, чтобы казаться милой в ситуации ресторана ночного поезда: блондинка с широким лицом, пухлыми губами и большими печальными глазами, из тех добрых и грустных блондинок, что вечно страдают от своей доброты и доверчивости; на ногтях самодельный «френч», исполненный при помощи канцелярской замазки. Я улыбнулся ей и бросил взгляд на табличку с именем, прицепленную к лацкану форменного пиджака.

– Наташа, мне, пожалуйста, двойной односолодовый виски, холодную воду без газа, и еще яблоко нарежьте, хорошо?

Жизнь налаживалась и обещала стать еще лучше – по крайней мере, на этот вечер. Стук колес превратился в ритмичный рокот, поезд летел сквозь мрак, словно межзвездный корабль, за окном в дальней тьме появлялись и исчезали россыпи огоньков дальних сел как скопления таинственных звезд и планет с неведомой жизнью, мелькали стремительными кометами редкие фонари, потом темно-синюю плоскость неба заштриховали зазубренные черные верхушки елей, а затем темнота сделалась абсолютной, как если бы поезд провалился в межгалактический вояд[1 - Вояд – космическая пустота, пространство между галактическими нитями, в котором полностью отсутствуют галактики и звездные скопления.] и антрацитовая чернота прижалась к стеклу, в котором смутно отражались букетик и скатерть, стакан с виски, компания за соседним столом – призрачная параллельная реальность, открывшаяся в запредельных глубинах Вселенной.

Смотреть стало не на что. Я сделал глоток виски и запил холодной водой, окутав дымное торфяное пламя чистейшим родниковым льдом. Через проход доносились обрывки беседы:

– Я прекрасно понимаю, чего они добиваются: убедить Старика, чтобы он дал отбой всему проекту... да, результаты пока не плановые, но они есть... если бы он сам не разрешал вмешиваться на каждом этапе... – бубнил один из мужчин.

– Ну, сказать, что тебе не помогают, тоже нельзя, – возразила женщина. У нее был приятный, низкий грудной голос. – Сам Старик, кстати, и помогает, он в этом случае объективен.

Слушать про перипетии корпоративных сражений было неинтересно. Я еще раз с удовольствием сделал глоток и открыл книгу. Впереди была чудесная и в самом лучшем смысле этого слова спокойная ночь.

– Где у вас можно присесть?

Голос показался знакомым – и точно: мой попутчик стоял у входа в вагон, а официантка Наташа обводила широким жестом пространство, как бы очерчивая богатство вариантов посадки. Виски уже успел затормозить мои реакции, я дернулся было, чтобы снова спрятать глаза в книгу, но не успел – мы встретились взглядами, и он тут же сказал:

– А, вот! – и двинулся в мою сторону. – Не возражаете?

Я не возражал. Проклятая петербургская деликатность: нет, чтобы сказать прямо: «Извините, я планировал провести этот вечер в одиночестве», ну или хотя бы: «Тут занято». Надо обязательно не возражать, а потом сидеть с надменно-кислой физиономией, как будто кто-то впереди тебя пролез в очередь. Впрочем, не исключено, что и мой сосед руководствовался схожими побуждениями, заставляющими непременно составить компанию человеку, которого увидел впервые в жизни полчаса назад и с которым едва перекинулся несколькими фразами, словно пройти мимо будет невежливо.

Оставалась надежда, что попутчик окажется молчуном. Я снова прикрылся книгой, безуспешно пытаюсь сосредоточиться на чтении. Официантка Наташа тем временем принесла меню. Мой визави извлек из кармана пиджака очки в тонкой золоченой оправе, надел на нос, отодвинул подальше меню, как часто делают дальновзоркие люди, и принялся изучать.

– Вот что, – изрек он через минуту, – мне, пожалуйста, фирменную солянку, селедочку на ржаном хлебе с теплой картошечкой, соленые грузди и водку, грамм сто, в замороженной рюмке.

Рот мгновенно наполнился слюной и даже сердце заныло. Колебания были недолгими.

– Наташа, и мне можно то же самое? А яблоко резать не нужно.

– Конечно, – она быстро сделала пометку в блокнотике, наверное, умножила на два. – Водочку в один графинчик налить?

Мы переглянулись.

– Да, можно в один.

После этого прятаться за книжкой было уже глупо.

Мы выпили по первой за знакомство под восхитительно пламенеющую солянку с томлящимся в ней ломтиком свежего пронзительного лимона.

– Адамов, – старомодно представился он. – Виктор Геннадьевич.

Я тоже назвал себя.

– Какое имя редкое, – заметил мой новый знакомый. – Можно сказать, литературное.

Вторая вскоре отправилась вслед за первой в сопровождении нежнейшей селедочки на пропитанном маслом ломтике поджаренного ржаного хлеба. Сразу захотелось курить. Наступало время для разговоров.

– Вы из Москвы или из Ленинграда? – поинтересовался Виктор Геннадьевич.

– Я – да, – ответ вышел каким-то неловким, наверное, из-за путаницы в топонимике. – Домой еду.

– Я тоже ленинградец, – сообщил Адамов. – Чем занимаетесь, если не секрет?

– Консультант, – я всегда так отвечаю, когда не хочу распространяться о своих занятиях.

– Вот как, – он задумался. – Я, наверное, тоже теперь консультант. Вообще-то я в отставке, но вот, привлекают иногда...

– А где служили?

– В милиции, потом в полиции. Подполковник уголовного розыска.

Я про себя улыбнулся точности своей догадки.

– У меня товарищ преподает в Университете МВД, – продолжал он, – тоже отставник, служили вместе когда-то в Ленинграде. Он потом в Москву переехал, теперь вот на пенсии, лекции читает для молодежи. Ну и меня просит иногда семинар провести или практикум. Сегодня как раз обсуждали с ним планы на следующий год.

Мрак за окном неожиданно расступился. Пространство за окнами раскрылось широким простором до самого горизонта, и горсть огней далекой деревни тускло сияла посередине черного необъятного поля россыпью драгоценного янтаря. Над огнями висели широкие пелены тумана, слоями один над другим, до самого подернутого дымкой неба, где в тонкой прорези невидимых облаков сияла призрачная луна. Сияние это подсвечивало туманные пологи неземным и холодным, будто поднебесный театральный софит освещал драпировки сцены шириной в целый мир, и зрелище было таким торжественным и чудным, что перехватило дыхание. Вокруг стало особенно тихо: ни разговоров за соседним столом, ни звона приборов, ни звука из кухни на другом конце ресторана, только полусонный глухой стук колес и поскрипывание вагона.

- Дым, - произнес Адамов.

Я с трудом отвел взгляд от окна.

- Что?

- Я говорю - дым от торфяников. Запах чувствуете?

Действительно, в воздухе чуть слышно ощущался легкий дымный аромат.

- Честно говоря, я думал, это титан топят, - признался я.

- Помилуйте! - воскликнул Адамов. - Это у вас какие-то совсем уж давние воспоминания, никто сейчас колобашками печку не топят и огнем воду не греет. Нет, это торфяники. Лето жаркое было, вот они и горят. Такое и в Ленинграде тоже случалось.

- Да, припоминаю, - я действительно вспомнил. - В 2000-м было.

Он кивнул.

- И еще раньше. В 1984-м были самые сильные торфяные пожары, дым стоял больше месяца.

Сказал – и взглянул на меня каким-то странно оценивающим взглядом, словно проверял что-то. Если это была проверка памяти, то она явно кого-то из нас подводила.

– Не помню, – честно признался я. – Чтобы целый месяц, сильный дым... Не припоминаю. Вы уверены?

Адамов прищурился и чуть усмехнулся.

– А вам, простите, в 1984-м сколько лет было?

– Двенадцать, – ответил я с некоторым вызовом. – А что?

– Совсем еще юноша, – снисходительно сказал он. – А тогда и вовсе были ребенком. Другие интересы, совсем иные объекты внимания. Дым-то был, а вы его не заметили.

И снова у меня возникло странное чувство, что он то ли испытывает, то ли поддразнивает меня – так порой делают взрослые, запутывающие ребенка головоломкой, на которую знают ответ.

– Ну уж нет, – я уперся. – У меня прекрасная память. Я помню себя и в шесть лет, и в пять, и еще раньше. Помню старую квартиру и девочку во дворе, которая мне очень нравилась; помню «Пещеру ужасов» в Луна-парке, куда ходили с родителями; помню, как в десять лет написал фантастический роман – четыре школьные тетрадки в линейку! – и главную злодейку там звали Ифа Стелла...

– А вы уверены, что это именно воспоминания?

Он откинулся на спинку сидения и прищурившись смотрел на меня. Мне следовало удивиться, и я удивился.

– Что вы имеете в виду?

– Девочка во дворе. Есть ее фотографии?

Я покачал головой.

- Нет.

- Когда Вы видели ее в последний раз?

- Ну... в шесть лет, перед тем, как мы с родителями переехали.

- Кто-то еще из ваших родственников или знакомых помнит ее?

- Вряд ли. Не уверен. Нет.

- Тогда откуда вы знаете, что она вообще существовала? Продолжим. Этот роман, написанный в десять лет, сохранился?

- Увы.

- Кому-нибудь давали прочесть?

- Нет, никому.

- Значит, и в его существовании тоже можно усомниться.

Я молчал. Адамов подержал немного паузу и продолжил.

- Я довольно много читаю в последние годы, преимущественно научную литературу – в меру своих возможностей понимания, конечно. И про парадокс памяти тоже прочел немало. Субъективная память почти такая же абстракция, как и вера. Есть что-то, что помним только мы: не сохранилось записей, нет и не было фотографий, люди потерялись где-то среди годов жизни или вовсе ушли из нее. Остается только наша уверенность в том, что эти воспоминания соответствуют некой действительности прошлого времени, что события происходили, знакомые существовали, но никаких оснований для этой уверенности нет. Что мы имеем в виду, когда говорим: я помню? Во что

превращается воспоминание через десятки лет? И воспоминание это, или лишь сон, зацепившийся за сознание, или вовсе история, которую мы придумали себе когда-то и за долгие годы поверили в ее реальность?

Из мрака с внезапным ревом вырвался встречный состав, взвыл гудком, сверкнул стремительно пролетевшей мимо лентой освещенных окон и через секунду пропал в темноте. Я вздрогнул, будто проснувшись.

– Предположим. Но все-таки дым от торфяного пожара явление более заметное и осязаемое, чем детские воспоминания. В конце концов, это точно можно проверить: остались же какие-то сводки, упоминания, свидетельства, в конце концов.

Адамов кивнул.

– Может, так. А может, и нет. Иногда может оказаться и так, что того, о чем твердо помнишь, событий, в которых участвовали десятки человек, а косвенно – сотни и тысячи, вдруг как и не было вовсе. И ты единственный – или почти единственный, – кто все помнит. Да и то не уверен. Слышали что-нибудь про двойные воспоминания?

– Да, читал у Эйсмарха и Лепешинского. Только у Эйсмарха это философская категория, а у Лепешинского, извините, симптом из патологической психологии. Но чтобы такое явление касалось масштабных событий... Может быть, приведете пример?

Он задумался.

– Историй хотите? Извольте. Но сначала...

Адамов потянулся к графину, разлил остатки по рюмкам, строго взглянул на широкое горлышко, с которого капнула последняя капля и неожиданно зычно воззвал:

– Наташа! Наташа!

Тоже заметил имя на карточке.

Наташа примчалась, как дуновение ветра, поправляя волосы и почему-то виновато улыбаясь.

– Наташенька, принесите нам, пожалуйста, еще, наверное, по двести?

– По двести, – согласился я.

Мы выпили за воспоминания. Наташа мигом вернулась с пузатым графинчиком и новыми рюмками, покрытыми липким инеем. У нас оставались еще грузди, немного оплывшей на хлебе селедки, несколько часов ночи, дорога и пока не рассказанная история.

– Я тогда был капитаном милиции, старшим оперуполномоченным Управления уголовного розыска ГУВД Ленинграда, служил в 3-м отделе, который занимается корыстными преступлениями – кражи, разбои, грабежи... – он вдруг осекся и внезапно спросил: – Какое сегодня число?

Я посмотрел на часы.

– Без пяти минут тринадцатое августа.

Адамов покачал головой.

– Надо же, какое совпадение. То, о чем я хочу рассказать, началось как раз тринадцатого числа, в августе 1984-го. Хотя порой бывает сложно определить, где начало истории – то, ключевое событие, которое послужило причиной прочих, стало первым звеном в цепи. Если раздумывать и копаться, можно и до Большого взрыва дойти, а то и раньше. Так что пусть будет тринадцатое – во всяком случае, тогда все началось для меня.

Часть I. Горизонт событий

Глава 1. Комната Шредингера

Ныне всякую историю принято начинать с убийства. Это давно уже не способ заинтриговать слушателя и читателя, а просто форма повествовательной вежливости, как поздороваться при встрече: здравствуйте, вот вам труп. Спасибо, проходите. Не укокошить кого-то в начале рассказа стало моветоном; скоро уже сентиментальные любовные романы и семейные саги будут начинаться с неперемного душегубства.

Так что – здравствуйте, вот, пожалуйста, труп: лежит, легко раскинувшись, на асфальте в тихом дворике под окнами «академического» дома на Кировском[2 - Кировский – ныне Каменноостровский проспект в Санкт-Петербурге.] проспекте. Китайчатый яркий халат разметался опавшими крыльями, руки раскинуты неуверенным объятием навстречу брезжащей в туманном небе заре, лицо обращено вверх, и человек поэтический мог бы сказать, что глаза были устремлены в небеса, словно провожали взглядом отлетевшую душу. Но, во-первых, все, кто был там тем утром, поэзии предпочитали суровую прозу жизни, а во-вторых, вместо глаз на лице мертвеца зияли черно-багровые, наполненные засохшей кровавой слизью дыры, и если уж кому-то пришло бы в голову, стоя над телом Бори Рубинчика, поговорить о душе, то похоже было, что она в ужасе вырвалась через глаза подальше от тела, как и сам Боря, высадив собой двойные рамы и стекла, вылетел из окна своей квартиры на четвертом этаже, будто каменное ядро из катапульты. Разлетевшиеся осколки усеивали асфальт и поблескивали в окруженных вздутыми кровоподтеками глубоких порезах на лице и руках. Судя по всему, при падении Боря воткнулся в асфальт самой макушкой, потому что вместо верхней части головы было какое-то неровное месиво из загустевшей крови и волос, а деформировавшиеся при ударе кости черепа сдвинулись так, что на лице выперли скулы и челюсти сжались в бульдожьим прикусе. Только выдающийся нос остался невредим и по-прежнему торчал на лице, как клюв печального попугая.

Кроме распахнутого халата на трупе были только большие сатиновые трусы с пальмами и веселыми обезьянами. Нежно-белый рыхлый живот, похожий на тельце лишившегося раковины моллюска, и безволосая грудь иссечены порезами и множеством неглубоких колотых ран, нанесенных, возможно, тем же предметом, которым были выколоты глаза – длинным кухонным ножом со потемневшим от крови лезвием, что недалеко отлетел от правой руки мертвеца.

– Жалко Борю, – сказал Костя Золотухин. – Ангелом он, конечно, не был, но все же...

Ангелом Рубинчик действительно не был, если только не предположить, что ангелы занимаются спекуляцией, фарцовкой, подпольным производством поддельных дубленок, джинсов и шапок, играют в карты на деньги и водят домой проституток из гостиницы «Ленинград». Я отвел взгляд от тела и посмотрел на небо. Сквозь туманную пелену начал уже проступать сизый утренний свет. Дым, рассеявшийся немного за ночь, возвращался, наплывал из-за крыш и в воздухе снова запахло далеким пожаром. Наступало раннее утро понедельника, тринадцатого августа 1984 года.

За два дня до этого, в субботу, «Зенит», уверенно прокладывая дорогу к первому в своей истории чемпионству, разгромил «Пахтакор». В тот же день сороковой президент США Рональд Рейган в радиообращении к американскому народу зажигательно пошутил, сообщив, что объявил Россию вне закона на веки вечные и что ядерная бомбардировка начнется через пять минут. Шутка вполне в духе времени, когда часы Судного дня показывали без трех минут полночь, и от этой хохмы стрелки их точно дрогнули, продвинувшись на несколько секунд вперед.

Вражеские голоса, вещавшие, как и полагается врагам, по ночам и с закатной стороны, сквозь шум широкополосных помех на очень правильном русском сообщали о гибели в Першваларском ущелье каравана с конвоем из советских военнослужащих, не скупясь на добавлявшие жути подробности о том, что с пленных солдат афганские моджахеды живьем содрали кожу и потом обезглавили. Наши родные голоса по этому поводу хранили молчание, из-за чего в кошмарные новеллы «Голоса Америки» верилось безоговорочно, и ограничивались туманными реляциями об успехах в помощи братскому народу Афганистана, предпочитая уделять внимание грядущему официальному открытию игр «Дружба-84», спешно организованных в пику Олимпиаде в Лос-Анджелесе. Ее мы тогда бойкотировали, проводя тонкие параллели с Олимпиадой 1936-го в фашистской Германии. В играх «Дружбы» принимали участие спортсмены социалистических стран; отмечались успехи атлетов из Монголии, Кореи и Эфиопии.

Когда я вспоминаю обо всем этом, мне порой кажется, что у человечества патологически укорачивается историческая память, как у рыбки, что плавает кругами в аквариуме, каждые три минуты оказываясь в незнакомом для себя месте.

Месяца не прошло, как Светлана Савицкая стала первой женщиной, вышедшей в открытый космос.

Что же до меня лично, то я этим утром должен был быть далеко от Ленинграда, на лазурном берегу Черного моря, пить холодное вино и загорать на пляже в компании своей невесты Тонечки. Наша свадьба была назначена на ноябрь, но с возможностью совместить сразу несколько дат – бракосочетания, отпуска, свадебного путешествия – в то время обстояло непросто, да и само по себе путешествие уже считалось роскошью для молодоженов, обыкновенно проводивших медовый месяц на даче или в пригородном пансионате. С путевкой в ведомственный Дом отдыха в Сочи, можно сказать, повезло: это был подарок от руководства и коллег к предстоящей осенью свадьбе, и начальнику третьего отдела уголовного розыска Макарову пришлось приложить известные усилия, чтобы выбить этот подарок в Главке. Но с поездкой вышла незадача, потому как Тонечка бросила меня за неделю до этого, сообщив о своем решении в кафе на Невском, 24, более известном как «лягушатник», под бокал шампанского и два шарика ванильного мороженого, которые я заказал, предполагая обсудить предстоящий отпуск, не зная еще, о чем будет идти разговор.

С Тонечкой мы познакомились два с половиной года назад, зимой, в очереди за минтаем. Жанр требует какой-то героической истории знакомства, чтобы, например, я защитил ее от хулиганов или, с учетом профессии, спас от вооруженных бандитов, – но нет. Мама в выходной отправила постоять очередь в универсам рядом с домом, а Тонечка стояла впереди – миниатюрная, хорошенькая блондинка в кудряшках и с большими голубыми глазами. Она училась на третьем курсе Института культуры на экскурсовода, было ей двадцать лет; мне в том году исполнялось уже двадцать семь, и мама регулярно сообщала о потере надежд понянчить внуков, в то время как, например, у подруги с работы, Анны Ильиничны, сыну двадцать пять, а у него уже двое и третьего ждут. Я пообещал маме, что и ее счастье не за горами и потерпеть осталось совсем немного, потому что с Тонечкой мы решили жениться, когда она закончит учебу.

И вот, закончила.

– Витя, ты только не переживай, – сочувственно увещевала Тонечка, хмуря лобик и глядя на меня огромными голубыми глазищами так, словно уже готова была осудить любые проявления переживаний. – Ну сам подумай, какие у нас перспективы?

Оказалось, что размышления о перспективах у теперь бывшей моей невесты начались не вчера. Как я понял, она уже полгода встречалась с каким-то товароведом и радостно приняла от него предложение. Как-то незаметно наступило то время, когда товаровед стал более привлекательной партией в отличие, скажем, от военного летчика, милиционера или уж тем более инженера. Вроде и ничего героического, и даже как-то немного неловко говорить «у меня муж – товаровед», а все равно подружки завидуют.

– У него хорошая должность, свой автомобиль, квартира кооперативная... – веско перечисляла Тонечка незамысловатые составляющие формулы любви.

Крыть мне было нечем, потому что против автомобиля я мог выставить только пожилой отцовский ИЖ-комби, а кооперативной квартире противопоставить комнату в родительской «двушке», где и предполагал до сего момента строить семейное счастье.

– Ну все, пока. Надеюсь, ты не обиделся, – и Тонечка упорхнула, легкая, как юная бабочка, оставив меня одного, с подтаявшим в железной креманке мороженым и открытой бутылкой сладкого шампанского. Люди вокруг заняты были собой. На улице сиял летний вечер. У окна на зеленом плюшевом диванчике сидела в одиночестве красивая молодая женщина: миндальные глаза с поволокой, высокие скулы, пухлые ярко очерченные губы, темные волосы коротко острижены по последней моде, легкое платье с широкими, как крылья, плечами. Она поймала мой взгляд и улыбнулась. Я позвал официантку, рассчитался, отправил бутылку шампанского на столик темноволосой красавице и ретировался.

На работе я написал рапорт о переносе отпуска, а путевку подарил Олегу Кравченко, заместителю Макарова, человеку давно семейному, а оттого глубоко и безнадежно одинокому, как бывает одинок человек только в устоявшейся, благополучной семье. Отказался от денег – а продать трехнедельный тур в Сочи можно было бы рублей за сто, не меньше, – и только попросил привезти бутылку хорошего коньяку, прервав поток благодарностей. Вот поэтому утро понедельника застало меня не в номере с видом на море, а дома, бесцеремонно подняв с кровати настойчивой дребезжащей трелью телефонного звонка.

Я нашарил рукой трубку, снял и ответил, не открывая глаз:

– Адамов.

– Доброе утро, товарищ капитан! Старший лейтенант Архангельский, УВД Петроградского района. Звоню по поручению руководства. Вы нужны на адресе, можете сейчас подъехать?

Звонок спозаранку – это всегда тревога. Среди ночи может вдруг позвонить подгулявший приятель, брошенная подружка или родственник с другого конца страны. Но в пять утра звонят только лишь с тем, чтобы сообщить плохие новости. Адрес, который назвал лейтенант, был мне знаком, и нехорошее предчувствие о судьбе Бори Рубинчика почти равнялось уверенности.

Я натянул брюки, надел любимую рубашку в синюю клетку и вышел из комнаты. Телефон в коридоре я обычно выключаю на ночь, чтобы родителей не беспокоили не такие уж редкие при моей работе ночные звонки, но отец все равно проснулся.

– Что-то случилось, сынок? – спросил он, моргая спросонья.

– По работе, – ответил я. – Папа, можно я машину возьму?

– Бери, – ответил он и зевнул. – Только не разбей.

Это напутствие повторялось каждый раз все семь лет с тех пор, как я получил права.

– Хорошо, я аккуратно.

Я кое-как умылся и почистил зубы, подумал и решил, что побриться не успею. На кухне отец ставил чайник. Он работал мастером участка на «Красном Выборжце», утренняя смена начиналась в семь часов, и ложиться спать уже не было смысла.

– Чай будешь пить?

– Нет, папа, тороплюсь.

Я взял банку с чайным грибом, через пожелтевшую марлю нацедил полную кружку желтовато-зеленой жидкости и махом выпил. Забористый кислый вкус был так крепок, что разом прогнал остатки сна, даже глаза сами собой распахнулись, будто от удивления, и мурашки побежали по телу. Я набросил пиджак, взял ключи от машины и вышел.

Город был пуст, тих и недвижим. Панельные девятиэтажные новостройки застыли в утреннем оцепенении. Выцветшее от жары небо, чуть потемневшее и посвежевшее за ночь, постепенно светлело и заволакивалось первым дымом, который выдыхали просыпающиеся пожары на севере и востоке. Торфяники тлели уже с неделю, служба пожарной охраны проливала сухие леса, рапортуя об отсутствии опасности выхода огня на поверхность, граждане, привыкшие ко всему, постепенно свыкались и с дымом.

До Кировского проспекта я добрался за десять минут. Перескочил через мост на Аптекарский остров, миновал спящий сад Дзержинского[З - Сад Дзержинского - ныне Лопухинский сад в Санкт-Петербурге.], проехал мимо едва различимого меж высоких старых деревьев туберкулезного диспансера и притормозил, приготовившись развернуться. Даже если бы я забыл нужный адрес, ошибиться было бы невозможно: у тротуара напротив высоких декоративных ворот без створок, ведущих во двор, стояло несколько автомобилей с ведомственными номерами, желто-синий патрульный УАЗ, новенькая блестящая «тройка» цвета свежей травы и «Скорая помощь» с выключенными спецсигналами, которая никому здесь уже помочь не могла.

У ворот переминался с ноги на ногу молодой сержант. Увидев меня, он было оживился, шагнул навстречу, но взглянул на удостоверение, козырнул и потерял интерес.

Дом не зря назывался «академическим». Мало в каком еще доме Ленинграда, при всем богатстве научных и культурных традиций, жили в таком количестве деятели науки и искусства: в разные годы здесь квартировали шесть академиков, пять живописцев, три известных поэта, два прославленных архитектора и даже одна балерина, не говоря уже про профессоров, врачей, генералов – тоже в своем роде ученых войны и художников масштабных сражений – этих вовсе было без счета. Впрочем, инвазия нового времени коснулась и этого дома: поселился же тут Боря Рубинчик, заняв квартиру после смерти родителей, известных в прошлом микробиологов, которые уж точно не предполагали для сына ни той карьеры, что он избрал, ни такого конца, к

которому, вероятнее всего, эта карьера и привела.

Длинный и узкий двор-курдонер[4 - Курдонер – открытый парадный двор перед зданием, ограниченный выступающими боковыми флигелями и главным фасадом.] вел к двери центральной парадной. Монументальные фасады благородного серого цвета, украшенные всеми неоклассическими излишествами, какие только могли измыслить в начале века – барельефы, пилястры, декоративные колоннады, розетки, статуи в нишах, горгульи, кариатиды, поддерживающие балконы, сами балконы, все в лепных завитках – тянулись вверх на исполинских пять этажей, каждый из которых стоил двух в обычном доме где-нибудь в Купчино или на Гражданке. Крышу венчала монументальная мансарда, огражденная каменными перилами. Степенные ряды больших окон кое-где светились огнями, и ярко сияло электричеством выбитое окно на четвертом этаже по центру дома, как вытаращенный в удивлении глаз, из которого выпал монокль.

Я огляделся. Сотрудники в форме и в штатском входили и выходили из двустворчатой двери парадной, разговаривали с жильцами, которые группами и по одному жались у стен и дверей, переступая ногами в домашних туфлях и запахивая наброшенные на ночные рубашки халаты. Голоса звучали негромко, то ли из уважения к смерти, то ли к тихому летнему утру, и только где-то периодически бесцеремонно включалась рация, шипела белым шумом эфира и снова замолкала.

Костя Золотухин, мой старый приятель из спецотдела, появился откуда-то сбоку и приветственно отсалютовал:

– Привет, Викто?р! – как всегда, с ударением на второй слог. – Так и знал, что тебя тоже сюда дернут.

Он кивнул в сторону и произнес, чуть понизив голос:

– Рубинчик. Вот так.

Я посмотрел туда, куда показал Костя. Припаркованная «шестерка» модного цвета «золотое руно» частично закрывала обзор, и я увидел только рассыпанные по асфальту осколки стекла и знакомого судебного-медицинского эксперта Генриха Левина, делающего пометки в бланках на широком планшете.

– Почему общий сбор?

Костя пожал плечами.

– Тело с признаками насильственной смерти, сам понимаешь. Уже повод всем собраться и хорошенько постоять рядом. К тому же в угрозыске мало отделов, где бы Боря не засветился: у тебя проходит как потерпевший по разбойному нападению, у меня, понятно, в разработке по связям с иностранными гражданами, шестой его изучал как участника, так сказать, сообществ. Теперь вот и убойщики им занимаются. Напоследок.

– А кто от второго отдела?

– Игорь Пукконен, он со свидетелями работает, наверху. Сюда первыми приехали ребята из района, но в связи с особенностями личности позвонили дежурному в Главк. Убийство – дело серьезное, подняли спозаранку само руководство, – Костя потыкал пальцем в дымное небо. – А руководство не любит, когда его поднимают плохими вестями, поэтому передали по начальникам всех причастных отделов прислать сотрудников по принадлежности. Честно говоря, что мне тут делать, я не очень понимаю. Да и тебе тоже. Разве что с Борей проститься. Пойдешь посмотреть?

Покойник лежал в двух шагах от входа в подъезд бесформенной пестрой кучкой, как сбитая птица. Рамы окна наверху были распахнуты настежь, а одна и вовсе выломана почти полностью и, угрожающе накренившись, висела на одной петле. Я снова взглянул на мертвеца. Вверх смотреть было приятнее.

– Доброго утра, Генрих Осипович. Что скажете?

Судмедэксперту Генриху Левину было едва за сорок, но мне он казался пожилым и умудренным седыми годами: когда тебе самому еще нет тридцати, сорокалетний порог представляется почти метафизической гранью, за которой по полям асфodelей бродят бесплотные тени, шелестящими голосами несущие околесицу про то, что после сорока только начинается жизнь. Да и Генрих Осипович не молодился, скорее напротив: носил роговые очки, бородку клинышком, волосы с легкой проседью зачесывал назад, прибавляя себе этим всем еще пару десятков лет возраста и на полвека жизненного опыта. Он

воззрился на меня поверх очков взглядом, в котором отразилась мудрая скорбь поколений, вздохнул и ответил:

– Здравствуйте, Витя. Ну что я могу сказать без экспертизы? Вы и сами все видите.

– Ну, а хотя бы предварительно?

Левин вздохнул.

– Витя, вы же меня знаете, я не люблю вот этой профанации. Я сейчас скажу, а вы выводы сделаете, наверняка неправильные. Подождите сутки, будет заключение, все узнаете, если вам вообще это надо. Вы же случаями насильственной смерти не занимаетесь, верно?

Я молчал. Генрих Осипович поцарапал немного ручкой в своих бланках, покосился на меня, снова вздохнул и опять принялся что-то черкать на бумаге. Я закурил. За воротами по проспекту с басовитым бодрым гудением прополз поливальный автомобиль. Левин горестно закатил глаза и произнес:

– Вы, Витя, мертвого уболтаете. Ладно, уговорили. Но никаких шокирующих откровений не будет. Вероятно – запомните это слово! – смерть наступила в результате падения с высоты. Об этом говорят характерные травмы теменной и затылочной части головы, частичная деформация костей черепа и состояние шейных позвонков. Если проще, то вот здесь – видите? – следы мозгового вещества на асфальте, а голова у него болтается, как на веревочке, потому как позвонки компрессионным ударом раздавлены в крошево. Учитывая, что до его окна метров двадцать, а также то, что в землю он воткнулся почти вертикально, все это неудивительно. На торсе и животе множественные ранения, предположительно – запомните, предположительно! – ножевые. Насколько я могу судить здесь и сейчас, они носят поверхностный характер, ни одно ранение не является проникающим и, тем более, смертельным. Но это не точно. Травматическое удаление глазных яблок исполнено несколькими ударами, причем, я бы сказал, неуверенными – видите порезы внутри глазниц? Нет? Присмотритесь. Не хотите? То-то же. На мой личный взгляд, орудие, которым это сделано, не проникло настолько глубоко, чтобы поразить мозг. Хотя это еще нужно проверить.

Я взглянул на кухонный нож с потемневшим от крови лезвием, уже аккуратно упакованный в целлофановый пакет для вещественных доказательств, и вопросительно посмотрел на Левина. Тот замахал руками.

– И не спрашивайте! Понятия не имею. Пока я не могу отвергнуть эту гипотезу однозначно.

– Сам себя изрезал, – произнес я задумчиво. – Выколол глаза, а потом выбросился в окно вниз головой. Потому и нож рядом.

– Витя, избавьте меня!..

– А что у него с руками?

Лицо несчастного Бори было тем зрелищем, на которое непросто смотреть, но если уж посмотрел, то оторвать взгляд получалось с трудом. На кисти рук я обратил внимание только сейчас: они были изуродованы множеством рваных ран, таких глубоких, что в некоторых местах сквозь вывороченную плоть тошнотворно белели кости. На нескольких пальцах вместо ногтей багровели свежие раны.

– А вы наверху были? – ответил вопросом на вопрос Генрих Осипович.

– Нет.

– Ну так поднимитесь, сделайте одолжение. Все поймете. Там сейчас Леночка работает, заодно с ней обсудите свои смелые версии. Она любит с ходу начинать фантазировать. Вам под стать собеседник.

За тяжелыми двойными дверями пологая узкая лестница через высокую арку с лепными узорами вела на основной лестничный марш, изгибающийся вправо, как винтовые ступени в замковой башне. Сверху неслись голоса, шарканье ног, стук дверей. Где-то заходила залиvistым лаем маленькая собачка. Навстречу спустился усатый дородный мужчина в трикотажных тренировочных брюках и наброшенной на майку белой выглаженной рубашке – типичный гражданский, поднятый по внезапной тревоге. На этажах было по две квартиры, некоторые двери приоткрыты, из них выбивался слишком яркий для раннего утра свет и

слышались нервные разговоры.

Обе створки дверей в квартиру Рубинчика были распахнуты настежь. Полузнакомые и незнакомые вовсе мне люди входили и выходили, как бесцеремонные незваные гости. Лестничным маршем выше на площадке стояла высокая женщина царственной внешности в длинном черном халате; она стискивала пальцы, унизанные перстнями, и недовольно смотрела вниз. Рядом мыкался испуганный человечек в серой пижаме и круглых очках, плешивый, неопределенного возраста и такой же внешности. У самого порога кинолог Шамранский, усатый и немолодой уже дядька, похожий на гвардейца петровских времен, присел на корточках рядом с прижавшимся к полу служебным псом и негромко увещевал: «Спокойно, Цезарь, ну что ты, Цезарь, успокойся». Цезарь тяжело дышал, вывалив влажный язык, и виновато посматривал из-под рыжих бровей. Шамранский кивнул мне, вздохнул и снова принялся то ли успокаивать, то ли уговаривать своего пса. «Спокойно, ну всё, Цезарь, спокойно».

Я вошел в просторный широкий холл. Первое, что я почувствовал – запах: резкий аромат алкоголя и еще один, чуть заметный, неуловимый, похожий на то, как пахнут перегревшиеся электроприборы. Справа от входа располагался камин – я обратил на него внимание еще в свой первый визит: огромное облицованное мраморной плиткой сооружение высотой почти в человеческий рост, полкой, на которой можно было бы уложить спать приезжего родственника, ажурной кованой решеткой и топкой размером с гостиную в стандартной пятиэтажке. Собственно, камин – единственное, что не изменилось, вернее сказать, устояло перед тем, что обрушилось на квартиру Бори Рубинчика.

Почтенный мозаичный паркет холла был заляпан бурыми пятнами крови и усеян осколками вазочек, керамических подсвечников, ювелирных подставок и семейства из семи слоников, сметенных с каминной полки. Вешалка сорвана со стены, опрокинута и как будто растоптана; телефонная тумбочка опрокинута, а сам аппарат – последней модели, с кнопками вместо диска – превратился в пластмассовую труху, среди которой одиноко поблескивала полусфера звонка. Стены холла иссечены беспорядочными надрезами, как если бы кто-то яростно бился с незримым противником, то и дело коварно уворачивающимся от ударов.

Кухня пострадала меньше, только ящики со столовыми приборами были вытащены из стола и брошены на пол, по линолеуму разлетелись вилки, ложки, ножи, и на металлических стенках массивного финского холодильника виднелись две глубокие окровавленные вмятины.

Дверь в спальню находилась напротив входа и была приоткрыта. Я осторожно толкнул ее и заглянул внутрь. Огромное тройное зеркало трюмо обрушено на пол и расколото на куски; дверцы платяного шкафа размером с сарай проломлены и вдавлены внутрь, как если бы в них врезался самосвал. Матрас и постель на огромной кровати вздыблены так, словно кто-то пытался под ними спрятаться, но безуспешно. Я перевел взгляд на стену над высокой ажурной спинкой: там чуть заметно темнел прямоугольник обоев на месте пропавшей картины, в центре которого выступала массивная дверца сейфа. Она была приоткрыта, и я знал, что там пусто.

Из гостиной тянуло дымным сквозняком, сладким спиртом и сверкали вспышки фотоаппарата. Я осторожно переступил сорванные бамбуковые занавески и заглянул внутрь.

Шикарная гостиная Бори Рубинчика из визитной карточки преуспевающего человека превратилась в свалку варварски изломанной мебели, забрызганной и залитой кровью. В роскошной румынской «стенке» не осталось ни одного целого шкафа: стеклянные дверцы серванта разбиты вдребезги, полки обрушены, все, что было внутри – фарфоровые сервизы, чешский хрусталь и стекло, редчайшая отечественная коллекционная анималистика – грудями и россыпями окровавленных осколков усеивало глубокий ворсистый ковер вперемешку с сувенирными фигурками, свечами, безделушками из тех, что бесконечно передаривают друг другу по праздникам, изорванными и растоптанными подписными изданиями Мориса Дрюона, Агаты Кристи, собраниями сочинений русских классиков, дефицитными журналами «Англия» и почти подсудными яркими номерами «PlayBoy», которые, похоже, рвали на части с особой жестокостью. Откидная крышка бара открыта, оторвана, и лампочка внутри освещала мягким янтарным светом варварски расколоченные бутылки Havana Club, Beefeater, Martel, Cinzano, причем орудием разрушения, судя по всему, была избрана бутылка виски Johnny Walker, метко запущенная в бар на манер биты при игре в городки. На диване валялась сорванная с петель внутренняя дверь с треснувшим матовым стеклом, а сам диван – роскошный, серо-голубой, плюшевый, мягкий, как райское облако – был беспощадно вспорот от подлокотника до подлокотника. Довершали картину чудовищного разгрома

сброшенная со стены на пол старинная икона в большом темном киоте с разбитым стеклом, опрокинутый цветной телевизор, тяжелый полированный корпус которого был расколот, а в центре лопнувшего потемневшего экрана торчал, как засевшая пуля, один из семейства слоников с каминной полки, и разбросанные видеокассеты, некоторые с предосудительным до уголовной ответственности содержанием: в частности, «Эммануэль» и «Греческая смоковница». Это в наше благословенное время они кажутся не эротичнее голого манекена в витрине, а тогда были способны вогнать в краску любого бабника со стажем и обеспечить владельцу судимость за распространение порнографии.

– Привет, Адамов! – раздался голос откуда-то снизу. – Когда в кино меня пригласишь?

Я опустил глаза. Рядом с журнальным столиком на корточках сидела Леночка Смерть и с любопытством смотрела на меня.

Вообще-то фамилия у Лены была Сидорова, и она являлась одним из лучших экспертов-криминалистов, работающим по сложным случаям тяжких преступлений против личности. Почтительное и жутковатое прозвище свое она заслужила из-за удивительной стойкости перед самыми страшными и кровавыми сценами насилия, и даже некоторого удовольствия, с которым разбиралась в делах об убийствах. Проницательностью при этом она отличалась невероятной, картину происшествия восстанавливала так, что даже потерпевшим напоминала некоторые детали, не говоря уже о традиционно забывчивых преступниках, и фору в следственном деле могла дать и многим из тех, для кого это дело было профессией. Внешность Лены хорошо рифмовалась с ее прозвищем: очень темные волосы с медным отливом, которые она заплетала в тугую короткую косу, необычно бледная кожа, коричневые крупные веснушки, яркие голубые глаза и острый нос. Сейчас ее назвали бы интересной и оригинальной, и быть может, даже модный фотограф пригласил бы на съемки для известного бренда, но в то время с такими данными, да еще и вкуче с резким характером, шансов на популярность у Леночки было немного, а потому в свои двадцать девять она оставалась девушкой незамужней и, кажется, не особенно этим тяготилась. Сейчас на ней было синее платье в крупный белый горох, из-под подола которого торчали острые бледные коленки, босоножки без каблука и тоненькие резиновые перчатки на длинных пальцах, в которых она держала маленький пластиковый пинцет с зажатым между лапок чем-то неразличимо микроскопическим. Фотограф слегка улыбнулся мне, отвернулся, прицелился

аппаратом куда-то в угол и снова щелкнул вспышкой.

- Привет, Лена! Вот как победим преступность, сразу же приглашу.

- Так это уже на следующей неделе! – воскликнула она и вздохнула: – Обманешь ведь наверняка. Ну что, уже есть версии?

- Какие версии Лена, это же не мое дело. Я тут так, на экскурсии.

Она погрозила мне затянутым в латекс пальчиком.

- Брось, Адамов, я тебя знаю! Ты сыщик, у тебя сыскная мышца автоматически срабатывает.

Она обвела взглядом комнату.

- Та еще картинка, верно? На следы борьбы не очень похоже?

Я согласно кивнул.

- Скорее, на погром, бессмысленный и беспощадный.

- Точно! А теперь обрати внимание вот сюда.

Леночка широко раскинула руки и выразительно посмотрела на меня. Я взглянул и сначала не понял, что именно она имеет в виду. Потом взглянул еще раз и даже присвистнул от изумления.

- Ага! – торжествующе сказала Леночка. – Знала, что оценишь.

Дальний угол гостиной справа от разбитого окна оставался совершенно нетронут. Я не сразу заметил это в общем кавардаке. Журнальный столик со стеклянной столешницей, рядом с которым примостилась Лена, широкое серо-голубое кресло, кровная родня безжалостно погубленного дивана, высокий торшер с двумя абажурами, светящимися желтым и розовым, чеканка на стене с профилем Нефертити – все было в целости и даже, кажется, не сдвинуто с

места – жутковатый островок мира и тишины в самом центре тайфуна. Больше того, на столике имели место пепельница с истлевшей сигаретой, красная пачка Marlboro, широкий бокал с жидкостью цвета мореного дуба на доньшке и округлая бутылка с широким горлышком, выглядевшая на два моих месячных оклада. Этот нетронутый угол комнаты среди общего хаоса наводил жути больше, чем окружающий страшный разгром – об него разбивались логика и здравый смысл.

Я подошел ближе, осторожно ступая по превратившемуся в хлам зажиточному быту, и не без труда прочел надпись на этикетке:

– Соурвоисиер.

– Господи, Адамов, ты дикарь. Это Курвуазье, чтоб ты знал. Покойник понимал толк в хорошем коньяке.

– И к чему это его привело? – риторически парировал я. – Наверное, теперь моя очередь спрашивать, есть ли версии?

Леночка многозначительно приподняла бровь и загадочно усмехнулась.

– Побудешь здесь еще полчаса? Я первичное описание закончу, можем потом сходить покурить.

– Договорились. Погуляю тут пока.

Стрелки часов показывали начало шестого, и делать все равно было нечего. Во дворе Шамранский выгуливал повеселевшего Цезаря, который на радостях навалил огромную кучу на газончик в центре двора. Я нашел Пукконена из второго отдела и перекинулся с ним парой слов; познакомился с суровой царственной дамой в черном – Ядвига Ильинична, вдова генерала внутренних войск Расторгуева, – «того самого», добавила она многозначительно, хотя мне эта фамилия ни о чем не сказала; переговорил со Львом Львовичем, главным инженером «Турбостроителя», в характеристические черты которого, кроме серой пижамы, очков и плешивости добавился густой дух доброкачественного перегара; заглянул к соседям напротив: молодая пара, Сережа – учится на восточном, длинный, тощий, со впалой грудью, выпирающим кадыком, весь какой-то костистый, как гриф; и Маша – косящий взор, крутые бедра, полные

губы и челка.

Хронологическая картина происшествия складывалась довольно четкая.

Примерно в четыре утра соседи Рубинчика проснулись от шума. Ни криков, ни громкой музыки, ничего такого, что обычно нарушает священный ночной покой граждан – просто какой-то топот и словно бы звуки передвигаемой мебели, которые очень скоро превратились в раскатистый грохот. Некоторое время соседи деликатно терпели, злобно таращась в темноту и возмущаясь вполголоса, но, когда к шуму добавились звуки бьющегося стекла, а потом что-то тяжеловесно грянулось так, что с потолка на нос Ядвиги Ильиничны посыпалась штукатурка, она не выдержала и поднялась к соседу.

– Я к людям очень терпелива и скандальных сцен не люблю. Да и Боря, что про него ни говори, мог приходить поздно, ночами не спать, но никогда себе безобразий в доме не позволял. А сегодня у него будто черти отплясывали! У меня даже Пополь проснулся и завыл от испуга, бедняжка, а он спит очень крепко. Вот я и пошла.

Дверь в квартиру Рубинчика была приоткрыта, и этот факт несколько обескуражил Ядвигу Ильиничну. Она остановилась в неуверенности, не решаясь на активные действия в одиночку, но через пару минут к ней присоединился Лев Львович с пятого этажа – грохот пронял даже его, а потом из соседней двери выглянули Сережа и Маша. В конце концов поднялся и Матвей Архипович со второго – почтенный усатый муж в белой рубашке, которого я встретил на лестнице. К тому времени из квартиры доносились уже совершенно кошмарные звуки.

– Это было какое-то светопреставление! Все гремело так, что стены тряслись! И вот что странно – больше ничего. Понимаете? Ни голосов, ни воплей. Просто на фоне мертвенной тишины какое-то остервенелое громыхание. А еще запах: такой, электрический, как бывает во время грозы.

– Нет, если бы крики какие-то или на помощь кто-то звал – то да, мы бы все. Как один. – Лев Львович старался дышать в сторону, виновато пряча глаза.

– Я сразу про ограбление вспомнил, – признался Сережа. – Бориса же ограбили, дней десять назад, Вы в курсе? Ну вот и подумал, вдруг злодеи вернулись и

ищут что-то.

– На самом деле был еще один звук, противный, – вспомнила Маша. – Писк, как бывает, когда телевизор не выключили, у меня от такого уши закладывает.

– Лично я ничего никогда не боялась и не боюсь, – решительно сообщила Ядвига Ильинична. – Но один в поле не воин, а нас было мало. Сейчас многие на дачах, Терешенки у себя во Мшинской, Хотимские под Зеленогорск укатили. Лев Львович, кстати, тоже жену с котом и сына отправил на дачу, а сам взял отпуск и пьянствует. Отдыхает, с позволения сказать. Не с ним же идти в бой. Да и не с Сережей. Вы его видели? Неосторожным взглядом можно убить.

В итоге, когда Ядвига Ильинична все же набралась отваги и толкнула дверь, из квартиры донесся звон стекла, треск рам, а потом во дворе кто-то закричал.

– Это Коминтерн Леонидович был, из второй парадной, профессор медицинского, – рассказал Сережа. – Он часто выходит курить по двор спозаранку, вот и увидел...

Соседи гурьбой кинулись вниз, оставив у открытой двери квартиры только Льва Львовича.

– Я покараулить оставался, мало ли что, – пояснил он.

– Лёва, знаете ли, трусоват, – с легким презрением прокомментировала Ядвига Ильинична. – Мы все на улицу побежали, а он отстал. Якобы посторожить. Тоже мне сторож.

Лев Львович, впрочем, недолго выдержал одиночество и тоже спустился вниз, встретив несущегося через три ступеньки Сережу, который бежал к себе в квартиру вызвать милицию и «Скорую помощь».

Дальше все толклись во дворе, ахая вокруг распростертого Бори. Коминтерн Леонидович отважно кинулся к пострадавшему, пытаясь оказать ему помощь, но в итоге лишь растормошил тело, изгваздался кровью, после чего провозгласил «Мертв!», вызвав Машины крики и исполненный достоинства обморок Ядвиги Ильиничны. Скоро во двор выбрались почти все обитатели дома: опасно

любопытствовали, качали головами, переговаривались и ждали милицию. Пренебрегли этим общим собранием только Марфа Игнатьевна с первого этажа, которой не так давно сравнялось девяносто пять лет и которая предпочитала наблюдать жизнь из окна квартиры, и Серафима, дама полусвета из мансарды, не отягощенная определенными занятиями, а в то утро и избытком одежды: в длинном перламутровом неглиже стояла она на маленьком своем балконе и сонно шурилась на переполох.

– Между прочим, дочь самого Лепешинского, – скорбно сообщила Ядвига Ильинична. – Ныне единственный позор нашего дома. Раньше еще был вот Боря... Ну, а что вы так смотрите? Жулик, прохвост, болтался ночами неведомо где, машину свою ставил не в гараже, а прямо во дворе, как бродяга, – вот этот агрегат цвета детской неожиданности, видели? Я, кстати, вашим коллегам неоднократно сигнализировала, не скрою. И была бы не против, чтобы его посадили. Но такого конца, конечно, никто ему не желал.

Через полчаса я снова вышел во двор. Тело уже увезли, отправив туда, где ему предстоит пройти последний допрос с пристрастием, отвечая на вопросы, задаваемые при помощи хирургической пилы и ланцета судебного патологоанатома. Уехал и Шамранский с Цезарем. Костя Золотухин укатил на своей новенькой травянисто-зеленой «тройке». У высоких ворот оставались только микроавтобус РАФ криминалистической лаборатории, патрульный автомобиль и пара машин сотрудников второго отдела, которые разошлись вслед за гражданами по квартирам, заканчивая процедуру опроса. Постовой мыкался у входа в двор, сдвинув на затылок фуражку и меряя шагами, как цапля, расстояние от столба до столба. Я уселся на лавочку напротив «шестерки» Рубинчика и закурил. Через окна мне были видны белые мохнатые чехлы на сидениях, разноцветная оплетка руля и фигурка полуголой русалки под лобовым стеклом – богатый советский тюнинг. Из парадной вышла Леночка, махнула мне рукой, сунула сигарету в зубы, подошла и уселась рядом.

– Любуешься? – кивнула она на машину.

– Все, что осталось от человека, – отозвался я. – Кроме хлама в квартире. Ни семьи, ни детей. Даже похоронить будет некому.

Лена пожала плечами и ничего не ответила. Мы помолчали.

- Ну что, сравним наблюдения? - предложила она. - Начнешь первый?

- В спальне и на кухне почти нет следов крови, только на холодильнике вмятины, похоже, от ударов кулаками. И разрушения минимальны, в отличие от гостиной.

- Точно! Смотри, что получается. Рубинчик спокойно сидит себе дома, выпивает в ночи, думает о своем. Потом встает, идет в холл и открывает входную дверь. Предположим, что к нему кто-то пришел, причем визитеры настроены были, скажем так, недружественно. Он это сразу же понимает, бежит в спальню - она как раз напротив входа в квартиру. То, что я увидела в спальне, можно теоретически назвать следами борьбы, хотя и диковатыми: уверена, что, например, дверцы платяного шкафа проломлены чьей-то спиной, зеркало на трюмо просто опрокинули в схватке. На кровать обратил внимание?

- Да. Как будто кто-то под одеялом прятался.

- И его оттуда вытащили. Это первый штрих к картинке безумия, потому как трудно представить, чтобы взрослый человек всерьез пытался спрятаться от налетчиков, забравшись при них под матрас. После этого, еще не израненный, Рубинчик отправляется на кухню и лупит кулаками по холодильнику, да так, что разбивает в кровь руки. Потом рывком вытаскивает ящик со столовыми приборами и находит нож. Наносит себе первые раны - в холле характерная дорожка из пятен крови, пока небольших, которая тянется из кухни к гостиной - и как саблей кромсает лезвием стены. Сметает мелочь с каминной полки, топчет вешалку и телефон. Потом входит в комнату и устраивает чудовищный разгром: режет диван, громит шкафы, рвет книги с журналами, голыми руками разбивает стекла в серванте - я почти уверена, что он еще и головой туда пару раз въехал - кулаками дробит посуду, швыряется слоником в телевизор, не забывая при этом резать себя ножом, доходя до того, что выкалывает глаза, а потом и вовсе выскакивает головой вперед через закрытое окно.

- Думаешь, сам себя резал?

- А ты, можно подумать, иначе считаешь. Если бы его пытали, то связали бы и рот заткнули, чтобы не орал. А Боря и так ни звука не издал, что тоже чрезвычайно странно. Да, будет еще анализ образцов крови с ножа, результаты сбора материалов и отпечатков пальцев в квартире, исследование трупа, но

пока это больше всего похоже на внезапный приступ буйного помешательства.

– Но? Кажется, кто-то упоминал про налетчиков и таинственных визитеров.

Леночка глубоко затянулась, прищурилась и выпустила дым в небо, и без того уже подернутое дыханием далеких пожаров.

– С одной стороны, человек, который вдребезги разбивает сервиз «Мадонна» – точно псих. У меня сердце кровью облилось, когда осколки увидела. И тут нам посмертная психиатрическая экспертиза в помощь. С другой – это какое-то странное безумие, которое заставляет избирательно разнести к чертям только одну комнату в квартире, и при этом почему-то не тронуть угол с креслом и столиком. Он туда даже не бросал ничего. И почему открыта входная дверь? И что за запах такой, как после грозы? И почему Цезаря так и не удалось в квартиру затащить: ты вот не видел, а у него даже шерсть дыбом встала, скулил, упирался, так и не вошел ни в какую. А Цезарь – пес старый, опытный, он и на пепелище работал, и на убийстве в Синявино в прошлом году, где пять трупов на даче две недели лежали, в закрытом доме, в жару. У меня твердое ощущение, что кто-то еще был в квартире, сидел в этом кресле под торшером, с удобствами, и наблюдал, как Рубинчик свое жилище громит и кромсает себя ножиком. Что его заставили это сделать. А в окно он выпрыгнул, чтобы избавиться от страданий. Как будто в этой комнате произошло и убийство, и самоубийство одновременно, с какой стороны посмотреть.

Она взглянула на меня, широко распахнув бледно-голубые глазищи, словно ей воочию представилась описанная картина. Я вздохнул и мягко ответил:

– Лена, ты перемудрила. В безумии нет логики. Потому и дверь открыта, и один угол не тронут. Мало ли, что бедняге Борюсику там привиделось. Но даже если предположить, что в квартире кто-то был посторонний, выйти он оттуда никак не мог. Соседи несколько минут толклись у дверей, когда там продолжался этот бедлам, пока Рубинчик не выбросился из окна. Потом у квартиры оставался Лев Львович, а когда он тоже стал спускаться вниз, то навстречу ему уже поднимался Сережа, молодой человек из квартиры напротив: забежал к себе и позвонил в милицию. Телефон у него в коридоре, дверь он не закрывал. Но даже если представить, что злодеи как-то успели незаметно выйти на лестницу, пока он разговаривал с оперативным дежурным, то как бы они прошли мимо столпившихся у тела Бори жильцов, если бедняга лежал почти у самого входа в парадную? Позже это и вовсе было бы невозможно, тут сотрудииков собралось

почти как на концерт в День милиции. Им даже в какой-нибудь квартире было не спрятаться, Пукконен со своими ребятами их все обошел.

- А Цезарь? И запах?

- Испугавшейся служебной собачки и неопределенного запаха маловато для квалификации смерти, как убийства. Как и твоих ощущений, прости.

- Ладно. - Леночка бросила сигарету в урну в форме античной вазы, встала и потянулась. - Попробую хоть что-то найти еще, а потом с Генрихом Осиповичем пообщаюсь. Да, он, старый зануда, но дело знает. А тебя, Адамов, приглашаю зайти как-нибудь свободным вечерком в морг, если уж ты меня в кино не зовешь.

- Звучит неплохо.

- Ага. Чаю поьем, посекретничаем. Не так, чтобы очень, но все же.

На проспекте уже вовсю шумели машины. Сержанта у входа во двор совсем сморило от вынужденного безделья. Среди высоких деревьев, окружавших туберкулезный диспансер, надсадно закаркал ворон и улетел в дым над Аптекарским островом. В городе начинался новый день - уже без Бори Рубинчика.

Я поднялся со скамейки и пошел к машине. У ворот оглянулся: на балконе мансардного этажа томная Серафима, теперь уже единственный позор приличного дома, курила сигарету в длинном мундштуке. Она увидела меня и махнула рукой на прощание.

* * *

00.35-00.50

- Ну, давайте помянем Борю, - предложил Адамов и поднял рюмку.

Мы помянули, не чокаясь, по обычаю. Поезд снова нырнул в межзвездную пустоту, и за окном клубился мрак с белесыми проседями дыма.

– Надо сказать, что основания для нервного срыва и даже самоубийства у Рубинчика были, правда, я тогда еще не знал, насколько серьезные. Гипотетически можно было бы ожидать, что он повесится или застрелится, если найдет из чего. Но такой вот самоистребительной бойни и вообразить было невозможно. Да и сам Борюсик никак не походил на потенциального самоубийцу. Всего за несколько дней до фатального понедельника он сидел у меня в кабинете: яркий желтый пиджак, невозможно голубые джинсы, модные бежевые «корочки» на ногах, рубашка с попугаями – и сам он был похож на попугая, вертлявый, говорливый, с крепким, похожим на клюв, носом, такой типичный жизнелюб, которому жизнь отвечает взаимностью. Он казался бы веселым, если бы не был тогда явно напуган.

– Вы что-то говорили про ограбление? – напомнил я.

– Разбой, – уточнил Адамов. – Ну да. Надо, пожалуй, рассказать немного про тогдашнюю ситуацию, просто для понимания дальнейших событий. Знаете, кто в начале восьмидесятых фактически возглавлял кампанию по борьбе с коррупцией и хищениями?

– ОБХСС?

– Комитет государственной безопасности. Потому что для государства казнокрады, взяточники и спекулянты страшнее ядерных бомб. И не тем, что кто-то выведет из экономического оборота несколько миллионов рублей, нет, а тем, что уничтожают идею социальной справедливости и порождают губительное для советского строя расслоение общества, классовое неравенство и элитаризм, причем в самых уродливых формах. Нет ничего опаснее для любой идеологии, чем ложь, лицемерие и двойные стандарты, а к первой половине восьмидесятых они стали нормой общественной жизни, когда содержание подменялось выхолощенными ритуалами. Вас ведь принимали в пионеры?

– Разумеется, – ответил я. – В четвертом классе, одним из первых, как отличника. В музее Ленина это было, очень хорошо помню.

– А остальных? Ну, тех, кто не отличники? – полюбопытствовал Адамов.

– Их позже, недели на две. В школе, не так торжественно.

– Но всех ведь приняли, да? Потому что он уже ничего не значил, этот пионерский галстук. Так, часть школьной формы. Каким ребятам должен быть примером юный пионер, если пионеры – все? Мелочь, кажется, но ведь так было во всем, что касается ключевой идеологии: одна оболочка без сути и содержания, правила игры, которые принимает молчаливое большинство, совершенно их не разделяя и не понимая даже. Система гнила изнутри и походила на прикрытую выцветшим пафосным транспарантом руину, в обветшавших залах и коридорах которой шныряют разжиревшие крысы, толкутся по углам жулики и спекулянты, граждане попроще свинчивают уцелевшие унитазаы и тащат их по малогабаритным квартирам, а дочь первого лица государства барыжит бриллиантами в компании альфонсов и проходимцев.

Попытка КГБ переломить ситуацию почти удалась. Состоялись десятки, если не сотни громких дел, в том числе в отношении представителей высшего партийного, государственного и милицейского руководства, не говоря уже о торговой мафии, которую не щадили вовсе. За хищение государственного имущества в особо крупных размерах расстрел предусматривался статьей уголовного кодекса, но всегда оставался вопрос применения высшей меры, а тогда обществу нужно было послать недвусмысленный и однозначный сигнал – и он прозвучал. В ноябре 1983-го за воровство приговорили к смертной казни директора универсама «Елисеевский», а в августе того же года расстреляли БERTУ Бородкину, руководителя треста общепита в Геленджике, которую не спасли ни высокие связи, ни покровительство на уровне руководства страны. Это был единственный случай в послевоенное время, когда женщине вынесли смертный приговор не за массовые убийства во время войны, как печально известной Антонине Макаровой, и не за серийные отравления, как душегубке Иванютиной, а именно за хищения.

Люмпены преступного мира, как водится, интерпретировали этот сигнал по-своему и с азартом присоединились к борьбе с расхитителями социалистической собственности. Идея отъема излишков у зажиточных сограждан, мягко говоря, не нова, но в восьмидесятые нападения на квартиры и дачи людей состоятельных участились, порой принимая формы дикие, жестокие, а иногда и бессмысленные. В том же 1983-м, например, я поучаствовал в раскрытии серии разбойных нападений, совершенных бандой Короленкова – шесть эпизодов и девять убийств, причем в одном случае не пожалели и семилетнего ребенка. Налетчики врываются в квартиры, стреляли и резали всех, кто был в доме. Брали

все, что казалось им ценным: магнитофоны, шубы, хрустальные вазы, украшения, мелочь всякую вроде солнечных очков, ручек, отрезков ткани и сувенирных брелоков, даже книги один раз утащили, несколько томов «Библиотеки приключений». Квартиры выбирали случайно: или следили от гаражей за владельцами хороших машин, или скажет кто-нибудь, что знакомый купил новый цветной телевизор, а один раз просто с улицы увидели через окно дорогую хрустальную люстру – всё, готово, основание для налета.

Но те, кто 2 августа ограбил Борю Рубинчика, к насилию не прибегали и имели свой особенный стиль и историю, длиной более чем в полгода.

23 февраля, вечером, в дверь старшего товароведа «Ленкомиссионторга» товарища Семенцова настойчиво позвонили. Семенцов жил один, недавно приобрел себе однокомнатную квартиру в кооперативном доме в Купчино; в «глазок» увидел мужчину, который стоял как-то боком и вполоборота, так что лица разглядеть не удалось, а в ответ на вопрос «Кто там?» ответил: «Сосед снизу, вы нас заливаете!». Этот один из самых универсальных паролей сработал особенно эффективно в новом доме, где текло все и отовсюду, а соседей никто толком не знал. Когда Семенцов открыл, в квартиру уверенным шагом вошли двое в низко надвинутых вязаных шапках, темных очках и шарфах, повязанных так, чтобы закрывать нижнюю половину лица. Третий вошел чуть позже, видимо, ему было нужно несколько секунд, чтобы тоже нацепить очки и шарф. Вошедшие вежливо, но твердо предложили хозяину передать им деньги. Когда Семенцов, стараясь не растерять остатки присутствия духа, попытался отделаться вынутой из кошелька десяткой, ему продемонстрировали пистолет («такой, немецкий, как в фильмах про войну») и порекомендовали не упорствовать, с некоторым сожалением пообещав в противном случае применить насилие. Рекомендация сработала, и Семенцов выдал незванным гостям из заначки, по его словам, триста рублей, хотя очевидно было, что сумму он решительно занижает. По оценке коллег из ОБХСС, у которых Семенцов уже некоторое время был «на карандаше», налетчики взяли не менее десяти тысяч. Такие деньги, особенно полученные предосудительным путем, хранились обычно только дома, потому как в «Сберкассе» их происхождение объяснить было бы затруднительно. Ни ювелирные изделия, ни магнитофон Sharp, ни кинокамера, ни пыжиковая шапка с болгарской дубленкой разбойников не заинтересовали. Они забрали деньги, вежливо поблагодарили, простились, после чего изъяли у хозяина оба комплекта ключей и удалились, заперев входную дверь. Злосчастному Семенцову потребовалось около получаса, чтобы привлечь внимание соседей неистовым стуком по батарее, ибо телефона в новом доме еще не было.

Заявление приняли, дело попало ко мне. Была сформирована оперативная группа из сотрудников моего отдела и шестого, по борьбе с бандитизмом. Проведенные мероприятия результатов не дали: лица мнимого соседа Семенцов не разглядел, особых примет сообщить не мог – ну, был один из разбойников выше и крупнее других, ну, другой, который явно был главным, стоял, прислонившись к стенке и вальяжно засунув руки в карманы; на головах – шапки «петушок», на лицах – темные очки и шарфы, на руках – перчатки, вот и все. Свидетели видели вроде бы, как в интересующее следствие время от дома отъезжал автомобиль «жигули», то ли первой, то ли одиннадцатой модели, и, кажется, красного цвета, но этот след привел только к угнанной тем же утром машине, которую обнаружили брошенной во дворах у метро «Купчинская». Оставалось ждать, потому что очевидно было, что этот рейд у налетчиков не последний, а может быть, и не первый.

И точно. Через два месяца, 22 апреля, в воскресенье, эта же группа наведальась в гости к начальнику треста общественного питания Калининского района Леонову. В квартиру на Светлановском проспекте они зашли, когда жена ответственного работника повезла дочку на занятия в секцию фигурного катания. На этот раз в ответ на резонное «Кто?» из-за двери грозно рявкнули «Милиция!» – еще одно заклинание, в то время почти гарантированно открывающее все запоры. Дальше все шло по той же схеме: требование наличных денег, демонстрация «парабеллума», изъятие записки, сумму которой Леонов, после некоторых колебаний, оценил в пятьсот рублей, а наши консультанты из ОБХСС, с интересом наблюдавшие за злоключениями своих подопечных, в несколько десятков тысяч – и спокойный отход. Та же безупречная вежливость: «пожалуйста», «будьте добры», «мы будем вынуждены» и все такое. Тот же образ действия: двое заходят первыми, третий, судя по всему главный, стоит у стенки, засунув руки в карманы, и ведет переговоры. Единственное отличие – перерезанные провода у двух телефонных аппаратов и то, что Леонову не пришлось колотить по батареям: двери открыла жена, вернувшаяся домой через час. Ну и шарфы сменились косынками, повязанными на манер ковбоев с Дикого Запада. В деле, правда, появился четвертый: несколько случайных свидетелей заметили, как группа молодых людей садилась в машину, где их ждал водитель. Это знание тоже не стало находкой для следствия, как и марка, цвет и даже номер автомобиля, который угнали за несколько часов до налета. Преступная группа получила оперативное название «Вежливые люди», и их образ действия, послуживший причиной для выбора такого наименования, был пока единственной особой приметой.

Обычно чем длиннее серия, тем легче найти преступника. Это жестокое правило, особенно жестокое, когда речь идет о серийных убийцах или насильниках, но оно работает. Чем больше эпизодов – тем больше информации для сыска и тем больше шансов на ошибку злодеев. Но в этом случае объем информации прибывал с трудом, а вот новый эпизод не заставил себя ждать.

На этот раз заявление от потерпевшего не поступало, а саму жертву разбоя пришлось везти в управление чуть ли не под конвоем.

От моего приятеля из спецотдела Кости Золотухина, тесно общавшегося со специфическим контингентом, пришла информация об ограблении широко известного в узких кругах валютчика Саши по прозвищу Нос, промышлявшего у «Альбатроса»[5 - «Альбатрос» – в Ленинграде один из специализированных магазинов, принимавший к оплате иностранную валюту, чеки Внешпосылторга или так называемые «боны». В основном предназначался для моряков гражданского и военного флотов, совершавших зарубежные командировки.]. Сам Саша в милицию не спешил, но у Кости нашлись для него аргументы, и показания мы получили. История вышла занимательной.

Саша Нос жил на Охте, в очень скромной квартире, в хрущевке, с мамой-инвалидом. Свою состоятельность не демонстрировал, в ресторанах гулять на широкую ногу привычки не завел, передвигался на общественном транспорте и имел единственную слабость – дорогая одежда, хорошие пальто и костюмы, пошитые по индивидуальному заказу. 19 мая, в субботу, он возвращался домой как раз из ателье, где с него сняли мерку для новой пиджачной пары.

– Задумался, – объяснял он. – Погода хорошая, листочки распускаются, птички поют, настроение приподнятое. Вот и не обратил внимания.

А не обратил внимания Саша Нос на то, что в парадную за ним кто-то зашел – да и то сказать, мало ли, может, соседи. Не тревожным он шел. Поэтому полной неожиданностью стало, когда две пары сильных рук прижали его к стене рядом с дверью квартиры, а тихий, но твердый голос произнес негромко: «Александр, откройте, пожалуйста, дверь. И ведите себя благоразумно». Саша только выдавил в ответ, что дома больная мама, на что после некоторого замешательства ему ответили в том смысле, что маме ничего не грозит. И не обманули. Нос открыл дверь, и все вместе вошли в тесную полутемную прихожую. Из маминной комнаты доносился звук телевизора. Показывали «Очевидное – невероятное». «Мама, я с друзьями!» – крикнул Саша, стараясь,

чтобы голос не особо дрожал, и под аккомпанемент маминого голоса, призывавшего к угощению и гостеприимству, быстро и без дополнительной мотивации в виде «парабеллума» отправился за деньгами. Сумму похищенного Саша Нос цинично обозначил в пятьдесят рублей, так что об истинном размере добычи можно было только догадываться.

История эта стала не очень хорошей новостью: она означала, что «вежливые люди» переключились на откровенно преступную публику. Во-первых, это снижало почти до нуля вероятность получения заявления от потерпевших; а во-вторых, учитывая особенность контингента, разбойникам почти наверняка рано или поздно должны оказать сопротивление, и тогда «парабеллум», как чеховское ружье, непременно выстрелит и в деле появятся трупы. Так оно в итоге и вышло.

Собственно, только благодаря этому выстрелу мы и узнали об очередном налете. На сообщение об огнестрельном ранении вызвали «Скорую помощь», врачи моментально передали информацию районным оперативникам, а те, оценив обстоятельства и ситуацию, сообщили в Главк.

На этот раз налетчики наведались в катран[б - Катран (жарг., устар.) – нелегальное, подпольное игорное заведение для игры в преимущественно карточные игры.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Войд – космическая пустота, пространство между галактическими нитями, в котором полностью отсутствуют галактики и звездные скопления.

2

Кировский – ныне Каменноостровский проспект в Санкт-Петербурге.

3

Сад Дзержинского – ныне Лопухинский сад в Санкт-Петербурге.

4

Курдонер – открытый парадный двор перед зданием, ограниченный выступающими боковыми флигелями и главным фасадом.

5

«Альбатрос» – в Ленинграде один из специализированных магазинов, принимавший к оплате иностранную валюту, чеки Внешпосылторга или так называемые «боны». В основном предназначался для моряков гражданского и военного флотов, совершавших зарубежные командировки.

6

Катран (жарг., устар.) – нелегальное, подпольное игорное заведение для игры в преимущественно карточные игры.

Купить: <https://tellnovel.com/konstantin-obrazcov/edinaya-teoriya-vsego-tom-1-gorizont-sobytiy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)